

—

В семью У он ни за что не пойдет.

Шужуй повидал немало ветреных и неблагодарных мужчин, чье сердце было разделено между многими. Даже его начитанный, на первый взгляд честный и соблюдающий приличия дядя втайне вел переписку с «близкой подругой» на стороне. Шужуй знал: те мужчины, что хранят верность одной-единственной и чьи чувства не тускнеют в серости будничных мелочей, по большей части обитают лишь в третьесортных театральные пьесах.

И хотя он не надеялся, что когда-нибудь встретит достойного человека, он точно не собирался прыгать в огненную яму, заранее зная, что избранник — далеко не предел мечтаний.

Тётушка хотела использовать долг за воспитание, чтобы связать его по рукам и ногам. Будь он по-настоящему слабым и бесхарактерным, то из желания отплатить за добро, возможно, и впрямь согласился бы. Однако он считал, что его долг перед семьей Бай не настолько велик, чтобы расплачиваться за него всей оставшейся жизнью.

В те годы его отец служил чиновником в префектуре Чаоси. Хоть чин его был незначительным и низким, он всё же сумел скопить кое-какие личные средства. Когда в семилетнем возрасте родители Шужуя покинули этот мир, дядя забрал его в семью Бай на воспитание, и всё имущество семьи Цзи перешло вместе с ним.

В те времена семья Бай была в упадке и бедности. Частная школа дяди была открыта именно на деньги его покойных родителей.

Пусть семья Бай все эти годы давала кров юному племяннику, позволив ему мирно дожить до восемнадцати лет, но все расходы на его содержание покрывались средствами его же отца и матери.

Грубо говоря, семья Бай проявила доброту, приютив его, но если бы не те деньги родителей, на которые всё обустроивалось и велись дела, семья Бай вряд ли жила бы сейчас в просторном доме с пятью слугами.

Теперь, когда он вырос, а оставленные родителями средства были дочиста выметены и потрачены тётушкой, на деньги больше рассчитывать не приходилось. Но зариться еще и на его жизнь — это было уже слишком жадно.

Шужуй просидел в комнате целый день, никуда не выходя. Когда наступила ночь, он плотно закрыл окна и двери, осторожно достал из-под досок кровати длинный ларец толщиной в ладонь и открыл его.

Внутри спокойно лежал документ о собственности на лавку и несколько связок монет — всего двенадцать гуаней.

С тех пор как тётушка раз за разом обчищала его запасы, оставленные родителями «на черный день», Шужуй постепенно взрослел, начинал понимать суть вещей и истинный характер этой женщины. Тогда-то он и стал проявлять смекалку, понемногу откладывая деньги.

А тот документ о собственности был на лавку в префектуре Чаоси — единственная вещь из наследства родителей, которая всё еще оставалась при нем. Накануне своей смерти

тяжелобольная мать вложила её ему в ладонь, сказав, что это его приданое. Эту бумагу он всегда хранил бережно, о ней не знал даже дядя.

Шужуй взял закладную. Хорошо, что в детстве, несмотря на свою наивность и глупость, когда тётушка частенько за спиной дяди плакалась ему о бедности и трудной жизни, он не отдал и этот документ. Тогда он ворочался ночами в постели, мучаясь совестью и считая себя эгоистом. Но теперь было ясно: не прояви он тогда этот «эгоизм», сейчас бы ему и вовсе некуда было идти.

Если он не желает подчиниться воле тётушки и идти в дом У, то эта лавка в Чаоси — его единственный путь.

Шужуй крепко сжал закладную. Он понимал, что это не будет легкая и гладкая дорога. Молодому геру уйти из семьи Бай и самому налаживать жизнь — задача не из простых. На те деньги, что он скопил, дела не развернешь.

Но если остаться здесь? Пусть он приложит невероятные усилия и чудом избежит брака с семьей У — что ждет его в следующий раз? В их глазах он лишь товар, который хотят продать подороже, и его всегда будет ждать участь чьего-то инструмента.

Свет масляной лампы отразился блеском в чистых глазах Шужуя. Его взгляд внезапно стал решительным: при сравнении двух путей он без колебаний выбирал первый.

В ту ночь Шужуй твердо решил отправиться в префектуру Чаоси и начал втайне готовиться. Это дело не терпело горячности; нельзя было просто поддаться порыву и убежать. Префектура Чаоси находится очень далеко, и это уже совсем другое место, чем префектура Цзичжоу, где он сейчас находится. Если не всё рассчитать и просто броситься вон с узелком за плечами, его, скорее всего, поймают и вернут назад, не дав дойти и до уезда.

Он сохранял спокойствие, одной рукой убаюкивая подозрения семьи Бай, а другой — втайне планируя побег...

В начале четвертого месяца, в один погожий день, семья У очень быстро прислала свадебные дары. Несколько огромных сундуков с подношениями внесли в дом семьи Бай без труб и барабанов — всё прошло тихо и скромно, без лишней огласки.

Шужуй наблюдал за этим украдкой. Цзян-ши обычно обожала шум и помпезность, а тут в таком деле, как свадьба, вела себя тише воды, ниже травы. Видимо, она и сама понимала, что родство с семьей У не слишком почетно, и не хотела, чтобы люди судачили.

Говорили, что это подарки для него, но, едва люди из семьи У ушли, всё это добро тут же перекочевало в кладовую тётушки. Ему не дали даже краем глаза взглянуть на присланное, не принесли даже описи подарков. В таком обращении не было ни капли уважения к нему.

Шужуй не собирался замуж в семью У, поэтому ни капли не зарился на эти дары, но то, с какой жадностью вела себя тётушка, выглядело по-настоящему уродливо.

В прежние годы она приbedнялась и обманывала его, пользуясь его юностью и доверчивостью, частенько забирая у него деньги и вещи. Сейчас у него самого со средствами было туго, так что нужно было придумать способ вытянуть из неё хоть что-то.

Его глаза блеснули. Вечером он отправился в главный дом.

— Погода становится теплее, летом часто нужны платки и полотенца. Пока я еще дома и есть свободное время, я хотел бы купить несколько чи* ткани и сшить побольше про запас.

[*Чи (кит. 尺) — традиционная китайская мера длины, часто называемая «китайским футом», которая на протяжении истории менялась, но в современной КНР стандартизирована как 1/3 метра (приблизительно 33,33 см). 1 чи составляет 1/10 часть чжана и делится на 10 цуней.]

Шужуй стоял перед Цзян-ши, слегка склонив голову:

— ...Позже положу их в сундук, там они тоже пригодятся... Только слышал я, что цена на летние ткани в этом году снова выросла...

Услышав это, Цзян-ши поняла, что Шужуй хочет выпросить у неё денег. Она никогда не была щедрой, поэтому машинально окинула его недовольным взглядом.

— Всех этих полотенец и платков — и так в избытке, толку от них нет. Не нужно тебе тратить на ткань, в приданом всё будет.

Шужуй, видя это, добавил:

— Я также хотел сшить по паре вещей для тётушки, старшего брата и второго брата. Когда я уйду туда, в сердце моем я буду помнить о тётушке и братьях, но ведь видеться нам будет уже не так просто, как дома. Сейчас я свободен и хочу проявить почтение, чтобы у братьев осталось больше памяти обо мне.

Цзян-ши, услышав это, хоть и не была тронута, но, живя под одной крышей, должна была соблюдать приличия. Ей было неудобно прямо запретить ему шить. Она могла бы дать ему пару рулонов ткани из запасов, но понимала: затеяв разговор о платках, Шужуй на восемьдесят процентов рассчитывает именно на серебро.

Ей не хотелось потакать ему, но сегодня, получив щедрые дары от семьи У, она была в хорошем расположении духа. К тому же она подумала: в такой момент не стоит вызывать у Шужуя обиду. Если он начнет скандалить, это будет не к добру. Отделаться парой монет было меньшим из зол.

— Похвально, что ты помнишь о семье. Для гера рукоделие — благое дело. Когда уйдешь в дом У, хоть там и будет кому прислуживать, но вещи, сделанные своими руками, всегда ценятся иначе. Пока ты еще гер в этом доме, готовься, а когда станешь фуланом после свадьбы, такого досуга уже не будет.

Цзян-ши безучастно добавила:

— Видишь, до счастливого дня осталось недолго, три-пять месяцев пролетят в мгновение ока. Хоть в приданом, что семья готовит для тебя, есть всё необходимое, всегда может чего-то не хватить. Если тебе нужны какие-то личные мелочи, приложи усилия и приготовь их сам.

Сказав это, она велела матушке Ли принести сверток с деньгами. Шужуй взглянул на серебро, завернутое в простую ткань — на вид около десяти лян.

Его глаза сузились. Редкость, чтобы эта тётушка расщедрилась на такую сумму. Видать, подношения от семьи У и впрямь были богатыми. Но возможность вытянуть из неё деньги, скорее всего, представилась в последний раз, поэтому Шужуй решил выжать столько, сколько

получится.

Он медленно принял серебро, не сказав «спасибо» и не уходя. Напротив, он посмотрел на Цзян-ши и спросил:

— Тётушка, сегодня оттуда прислали свадебные дары?

Цзян-ши, услышав вопрос, холодно взглянула на него. В душе она уже была недовольна. Подавив раздражение от того, что кто-то зарится на «её» богатства, она ответила:

— Эти вещи я пока приберегу для тебя, позже обязательно добавлю их в твоё приданое.

Шужуй, держа серебро в руках и понуриив голову, промямлил:

— Не знаю, каков там порядок... хотелось бы хоть краем глаза взглянуть.

Цзян-ши нахмурилась, едва сдерживая вспышку гнева, но пересилила себя:

— Я велела слугам побыстрее всё пересчитать, тогда и дам тебе посмотреть опись.

Шужуй неопределенно отозвался и, будто стесняясь, спросил снова:

— Когда я только пришел в этот дом ребенком, тётушка говорила, что сохранит для меня вещи моих родителей, чтобы я мог воспользоваться ими при замужестве... Не знаю, как там обстоят дела с моим приданым...

Лицо Цзян-ши заметно потемнело, но лишь на миг. Она выдавила улыбку:

— Всё устроено как нельзя лучше. Посмотри на себя, дитя, будто боишься, что тётушка тебя обделит.

— Это я не умею говорить, тётушка, прошу, не принимайте близко к сердцу. Просто раньше я не смыслил в управлении деньгами, а в будущем мне неизбежно придется этому учиться, вот я и проявил излишнее любопытство.

Цзян-ши приняла благочестивый вид:

— Ты мыслишь верно. Семья У большая, хозяйство огромное, тебе придется всем заправлять. Сейчас поучиться — это на пользу будущему. Завтра я найду домашнего счетовода, пусть обучит тебя искусству счета.

Сказав это, она подала знак матушке Ли. Спустя мгновение та принесла еще десять лян серебра.

— Возьми пока эти деньги на свои расходы, не нужно экономить. Когда и подарки, и приданое будут готовы, я позову тебя взглянуть.

Шужуй принял деньги, с видом некоторой неохоты поблагодарил тётушку и вышел из комнаты. Как только он скрылся за дверью, уголки его губ слегка приподнялись.

— Госпожа дала Жуй-геру десять лян, почему же добавила еще десять? — матушка Ли была поражена. С характером Цзян-ши такая щедрость была свойственна только по отношению к старшему молодому господину. Даже второму геру вряд ли перепадало столько.

В душе Цзян-ши уже кипела ярость:

— Ты разве не видела его недовольную мину, когда я дала первые десять? То про дары завел речь, то про приданое спросил. Просто хотел денег! Не дай я ему, он бы и дальше ко мне цеплялся!

Матушка Ли на это промолчала. Зная Цзян-ши, она была уверена: все дары от семьи У она оставит себе, а приданое для Шужуя вряд ли будет достойным. Потому она и выдала серебро сейчас, чтобы успокоить его.

Цзян-ши в гневе выпалила:

— Вот ведь какой хитрый гер! Возомнил, что поймал удачу за хвост, и теперь смеет на меня так смотреть!

Матушка Ли про себя подумала: «Кому же не захочется взглянуть на свои свадебные дары, если их все заграбастали? Тут у любого, даже самого смиренного, нрав испортится». Она мерила по себе, думая о будущей невестке и боясь, что её собственные свадебные подарки заберут старшие в той семье. Но вслух она лишь сказала:

— Похвально, что госпожа всё же выделила Жуй-геру серебро на расходы.

Цзян-ши холодно ответила:

— Ты просто...

— Старший брат тратит на учебу уйму денег. Я просил матушку сшить мне два весенних наряда из хорошего атласа для прогулок, а она сшила только один. Зато теперь она так щедра, что раздает столько серебра постороннему человеку!

Не успела Цзян-ши договорить, как из внутренних покоев, откинув занавеску, вышел гер — он был чуть старше Шужуя. Цзян-ши, увидев его, укоризненно произнесла:

— Никого не обделим, и тебя тоже. Один новый наряд — стоит ли об этом твердить столько дней?

Второй гер семьи Бай сел перед Цзян-ши, надув губы и всем видом показывая недовольство.

— Дам я тебе несколько гуаней, сшей себе еще один наряд, и дело с концом, — сказала Цзян-ши.

Но второй гер не унимался:

— Матушка дала ему целых двадцать лян, а мне так урезала! У семьи У столько даров пришло, зачем ему еще и серебро?

— Те дары теперь принадлежат семье Бай, а не ему, — резко ответила Цзян-ши. — Он за эти годы в нашем доме проел и проносил немало. Хватило же наглости заикаться о свадебных подарках! Подарки — это дань уважения от семьи жениха родителям и старшим в семье невесты. Скоро свадьба твоего старшего брата, потом твоя — на всё нужны огромные средства. К счастью, семья У прислала несколько сундуков добра; выберем пару вещей попроще ему на приданое, а остальное останется нам. Иначе я и не знала бы, как устроить ваши дела.

Второй гер фыркнул:

— Кому нужны его подарки!

Впрочем, уверенности в его голосе было мало — он и сам засматривался на те вещи, которые даже его мать назвала отличными. Слова «не нужны» были лишь следствием зависти к Шужую.

— Опять ты за свое, как дитя, — Цзян-ши утешила второго сына парой ласковых слов, и тот, повеселев, вернулся в свою комнату.

Теперь Цзян-ши стерла с лица ласковое выражение и наказала матушке Ли то, что не успела договорить:

— Приглядывай за Жуй-гером. С виду он смирный, но с хитрецей. Не хватало еще, чтобы он выкинул что-нибудь перед самой свадьбой.

Матушка Ли кивнула.

Тем временем вернувшийся к себе Шужуй ощупывал серебро в кармане, и глаза его сияли. Он знал, что тётушка радуется богатым дарам от семьи У, но злится на его расспросы. Тем не менее, ему удалось выжать «каплю жира» из этой железной курицы. Раньше он всегда осторожничал, боясь вызвать её недовольство, пока жил под её крышей, но теперь ему было не страшно открыто вызывать её раздражение.

После этого дня Шужуй, под предлогом закупок на выданные деньги, стал каждые два-три дня наведываться в город. Сначала за ним кто-то присматривал, но видели, что он ходит то в лавки кож и готового платья, то в ряды с румянами и пудрой. Об этом донесли Цзян-ши.

Второй гер семьи Бай, услышав, что Шужуй постоянно что-то покупает, раздосадованный, заглянул к нему в комнату. Он увидел, что купленные румяна и пудра — сплошь дешевое старье, от которого лицо только портится. С этой пудрой Шужуй выглядел хуже, чем без неё. Второй гер и в лицо, и за глаза высмеял его и, успокоившись, перестал обращать на него внимание. Цзян-ши, услышав это, тоже ослабила надзор.

В это время на выходные из города приехал старший молодой господин семьи Бай, который там учился. Он в гневе прибежал к Шужую и принялся отчитывать его:

— Как можно выходить замуж в такую купеческую семью? Жуй-гер, ты молод и неразумен, судишь о вещах поверхностно! Нельзя выходить замуж, только прельстившись богатством! Наша семья всё же из образованных людей, а эта семья У — всего лишь торговцы, да еще и глава семьи в летах и вдовец. Что люди снаружи скажут о тебе?

Слушая эти речи своего двоюродного брата, Шужуй едва сдерживал смех. Он посмотрел на старшего брата и сказал:

— Шужуй — лишь маленький гер, во всем я должен полагаться на решение тётушки. Я юн и мысли мои неглубоки. Знаю лишь, что этот брак выбрала для меня тётушка. Я не знаю, что за люди эти У, но раз старший брат говорит, что это плохая семья, может, брат сам пойдет и поговорит с тётушкой?

Старший молодой господин промолчал, а затем выдал:

— В любом случае, тебе не следует соглашаться ради богатства. Всё, что снаружи выглядит блестящим, внутри насквозь гнилое. Ты хорошенько подумай. Я ведь желаю тебе добра. Ты все

эти годы учился с отцом, читал стихи, должен же ты отличать истину от лжи.

Сказав это, он гневно взмахнул рукавами и ушел.

Шужую было лень с ним спорить. Этот человек был главным выгодоприобретателем от этого брака, но пришел читать ему нотации, полные пафоса и лицемерия. Это вызывало лишь тошноту. Вот он — утонченный и благородный книжник в глазах окружающих. Шужуй холодно усмехнулся: он еще посмотрит, какой переполох начнется в этой семейке, когда он действительно откажется от брака.

Он не принимал эти дела близко к сердцу. Видя, что Цзян-ши больше не следит за ним пристально, он втайне нашел надежного возницу, купил описание префектуры Чаоси и по ночам изучал его. Свое серебро и медь он обменял на удобные в дороге банковские вексели...

Также он расспрашивал проходящие через город караваны о проверках на официальных дорогах и прочих дорожных делах, уходя рано и возвращаясь поздно. Слуги в доме видели, что он постоянно приносит какие-то вещи. Раньше он никогда не был так усерден в покупках. Втайне они сплетничали о том, как он падок на богатство: идет в жены к старику, да еще и радуется так сильно. Но в лицо каждый поздравлял его, надеясь, что он не забудет их, когда заживет в довольстве в доме семьи У.

В конце четвертого месяца Шужуй снова вернулся из уезда. В городе он купил у рыбаков, только что вернувшихся с моря, свежей жирной рыбы с малым количеством костей. Сияя улыбкой, он сказал слугам:

— Спасибо за ваши поздравления. Какова будет жизнь в будущем — увидим. Я не могу ничего обещать, но благодарю вас за добрые слова. Сегодня я принес несколько крупных рыбин. После полудня накаеам рыбных шариков, сварим суп, и вечером все вдоволь наедемся.

Рыбные шарики — это всегда радость. Раньше, когда господин Бай был жив, слуг кормили неплохо. Но с тех пор как Цзян-ши полностью прибрала дом к рукам, их целыми днями кормили супом из овощей и редьки — в животе совсем масла не осталось. К тому же все знали, что Шужуй готовит просто превосходно. Слуги, обрадованные, наперебой благодарили его.

В доме Цзян-ши, услышав, что Шужуй собирается угощать слуг рыбными шариками, хмыкнула:

— Ишь, как развернулся, будто и впрямь дом У — рай земной.

Однако, хоть ей и не нравилось всё, что делал Шужуй, она видела: он часто бегаёт в городок, покупает себе вещи и даже угощает слуг. Видя, что он не бунтует и спокойно ждет свадьбы, она окончательно успокоилась. Цзян-ши уже подсчитывала: как только Жуй-гер выйдет замуж, семье больше не о чем будет беспокоиться.

И вот, в самый последний день четвертого месяца, когда наступила ночь, луна висела высоко, а звезд было мало. Привратник дома Бай, наевшись вечером нежных и ароматных рыбных шариков, пристроил свой зад на каменную тумбу у ворот. Он не мог перестать зевать — после такого сытного ужина его одолела небывалая сонливость.

Откуда ему было знать, что в тот вкусный рыбный суп подмешали сонного зелья. Он и сам не заметил, как заснул, прислонившись к дверному косяку и громко захрапел.

Именно в этот момент фигура в простой одежде, подтянув узел за плечами и крепко сжимая в руках ларец, в мгновение ока выскользнула из усадьбы Бай и скрылась в ночи.

Дул легкий вечерний ветерок. Шужуй сидел в заранее нанятой повозке, запряженной ослом. Он не планировал останавливаться в соседнем городке, а сразу направился в сторону уездного города.

—

<http://bllate.org/book/17079/1591780>